

УДК 94:327(4)

МЕТОД МОДЕЛИРОВАНИЯ И ИМИТАЦИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕС

Л. О. Игумнова

THE METHOD OF MODELING AND IMITATION IN FOREIGN POLICY OF THE EU

L. O. Igumnova

Европейский Союз располагает разнообразными механизмами распространения своих ценностей и норм. В статье анализируется метод моделирования/имитации и аналогичные ему механизмы "инфицирования" и "силы примера", появившиеся в результате укоренившегося имиджа Евросоюза как мирового стандарта и примера для подражания. Обоснованием обозначенных внешнеполитических механизмов можно считать теорию социального обучения, широко известную в психологической науке. Теория получила развитие в европейских исследованиях и способствовала появлению концепции образцовой державы, раскрывающей роль метода имитации во внешней политике Евросоюза. Метод предполагает рассмотрение ЕС в качестве образца, который привлекает внимание наблюдателей и становится для них источником имитационного процесса. Данный механизм нашел широкое распространение в европейской внешнеполитической практике, став одним из ключевых факторов глобального влияния ЕС. При подготовке статьи ее автор опиралась на документы, официальные заявления и выступления европейских политиков, теоретические и аналитические работы.

The European Union has a variety of mechanisms to distribute its values and norms. The paper analyzes the method of modeling/imitation and similar mechanisms of "contagion" and "the power of example" that appeared as a result of the deep-seated image of the EU as a world standard and an example for others to follow. The rationale of the above mentioned foreign policy mechanisms is the social learning theory well-known in psychological science. The theory has been developing in EU studies and has facilitated the emergence of a "model power Europe" concept that best describes the role of imitation method in foreign policy of the European Union. The method suggests considering the EU as a model which attracts the attention of observers and becomes the source of imitation process for them. This mechanism is widely used in European foreign policy practice being one of the key factors of the EU global influence. The author addressed official documents, statements and speeches of European politicians, as well as theoretical and analytical works.

Ключевые слова: ЕС, внешняя политика, методы, моделирование, имитация.

Keywords: EU, foreign policy, methods, modeling, imitation.

Введение

Европейский Союз располагает разнообразными механизмами распространения своих ценностей и норм. Данная статья анализирует метод моделирования/имитации и аналогичные ему механизмы "инфицирования" и "силы примера", появившиеся в результате укоренившегося имиджа Евросоюза как мирового стандарта и примера для подражания. Механизм имитации занимает центральное место в рамках концепции ЕС как образцовой державы ("model power Europe"). Среди существующих теоретических подходов, объясняющих сущность современной внешней политики Евросоюза, концепция образцовой державы заняла довольно заметное место и стала частью более широкой дискуссии о европейской идентичности и внешнеполитических методах ЕС.

Идея Европы как авангарда и наиболее передовой модели не нова. Создание мирового порядка по европейскому образцу – ключевая задача Европы на протяжении столетий: в эпоху просвещения, колониализма, на современном этапе. Мнение о том, что единая Европа способна стать образцом для подражания и реализовывать свое влияние через собственную привлекательность и силу своего примера, высказывалось в 1973 г. в работе Франсуа Дюшене. ЕЭС, с точки зрения французского мыслителя, должен был быть примером того, каким влиянием можно обладать благодаря политическому сотрудничеству, основанному на гражданских формах силы [7, р. 19 – 20]. Эта идея

развивалась, все больше отвечая международным реалиям, сложившимся после окончания холодной войны. Не удивительно, что и сегодня проецирование европейской модели на остальной мир является важнейшей задачей европейской внешней политики.

Теория социального обучения Альберта Бандуры как обоснование концепции образцовой державы

Концепция образцовой державы опирается на теорию социального обучения известного канадского психолога Альберта Бандуры [2]. А. Бандура опровергает парадигму, согласно которой процесс обучения основан на прямом опыте и его последствиях. Теория психолога доказывает, что научиться чему-либо можно не только на своих ошибках, но и на чужом опыте. Процесс обучения может быть построен: во-первых, на наблюдении за образцом поведения; во-вторых, на наблюдении за последствиями этого поведения; и, в-третьих, на имитации модели наблюдателем. Бандура отмечает, что многое в поведении, которое мы демонстрируем, приобретается именно посредством примера: мы просто наблюдаем за тем, что делают другие, а затем заимствуем и повторяем их действия.

Теория социального обучения указывает на 3 главные качества модели.

1. Уникальность, особенность модели. Для А. Бандуры, чем уникальнее характеристики модели, тем выше вероятность того, что она привлечет внимание

других, и в конечном итоге другие будут имитировать ее поведение.

2. Устойчивость, долговечность, эффективность модели.

3. Привлекательность модели, ее престиж.

Способность модели привлекать внимание и удерживать его в течение долгого времени – важнейшие условия, обеспечивающие процесс имитации. Внимание к модели со стороны наблюдателя – это первый этап, необходимый для начала подражания. Наоборот, игнорирование модели исключает возможность социального обучения. Психолог настаивает на том, что моделирование не должно приравниваться к автоматической поведенческой имитации. Это процесс познавательной имитации. При этом эффективность моделирования в большей степени зависит от мотивации наблюдателя. Таким образом, автор выстраивает следующую цепочку: наблюдение → мотивация → имитация.

Другое важное положение, находящееся в основе социально-когнитивной теории, состоит в том, что новые формы поведения можно приобрести без так называемого "внешнего подкрепления", то есть в отсутствие одобрения, поощрения, вознаграждения или наказания. Альберт Бандура считает, что в большинстве случаев обучение человека осуществляется без подкрепления. Этот факт не означает, однако, что поощрение не имеет никакого значения. Как только поведение оказывается освоенным, подкрепление начинает играть заметную роль в том, будет ли данное поведение возникать в будущем. Поощрение или вознаграждение может выражаться как в вербальной форме – форме одобрения, так и в материальной. Оно стимулирует имитационное поведение и усиливает желание наблюдателя продолжать повторять поведение модели [3, р. 601]. При этом чем быстрее осуществляется внешнее поощрение, тем больше вероятность воспроизведения поведения модели.

Наказание также рассматривается психологом как инструмент, способный предотвратить имитирование наблюдателем "неправильных" моделей. Наказание может менять поведение наблюдателя и переориентировать его на копирование альтернативной, "правильной" модели.

А. Бандура стал автором одной из самых популярных теорий обучения. Его работы по моделированию приобрели широкую известность в научном мире и сыграли важную роль в объяснении способов, которыми люди приобретают разнообразные виды сложного поведения в условиях социального окружения. В дальнейшем понятие обсервационного научения или научения через наблюдение привлекло внимание европейских аналитиков и получило дальнейшее развитие в исследованиях международных отношений ЕС.

Социально-когнитивная теория в контексте внешней политики ЕС

Португальская исследовательница Лаура С. Феррейра-Перейра предприняла попытку проанализировать теорию социального обучения в контексте внешней политики ЕС и применила три вышеназванных критерия модели к Евросоюзу [10].

1. Уникальность: исключительность политико-институциональной основы ЕС и его нормативной сущности.

2. Устойчивость: длительный опыт демократического развития, устойчивость ЕС как мирного, социального и экономического проекта, устойчивое стремление избегать военной силы при разрешении конфликтов.

3. Привлекательность ЕС обусловлена его уровнем экономического развития, достижениями в социальной сфере, успешностью ЕС как мирного проекта, стремлением других стран вступить в Союз.

Данные особенности Евросоюза позволяют автору рассматривать ЕС в качестве образца организации общества, модели политического и экономического развития, примера по достижению мира. Как следствие, Евросоюз привлекает внимание третьих стран – наблюдателей – и становится источником имитационного познавательного процесса. В соответствии с концепцией А. Бандуры, Л. Феррейра-Перейра указывает: сила влияния ЕС во многом зависит от того, насколько он способен привлечь к себе внимание других и способствовать переменам в их поведении согласно европейским стандартам, правилам, принципам и ценностям, то есть от умения ЕС стимулировать имитацию своей модели и своего поведения [10, р. 299]. Для этого, по мнению автора, ЕС должен сохранять свою специфичность, привлекательность, жить в согласии со своими стандартами, доказывать эффективность своих практик и норм.

Психологический механизм "внешнего подкрепления" также нашел воплощение во внешнеполитической практике Евросоюза – политике кондициональности, широко применяемой ЕС. Кондициональность предполагает, что третьи страны принимают нормативные требования Евросоюза в обмен на определенные вознаграждения или под угрозой санкций. Таким образом, по аналогии с "внешним подкреплением" политика кондициональности имеет позитивные и негативные формы и допускает использование кнута и пряника.

Позитивные формы кондициональности включают политические и экономические поощрения тех, кто воспринимает европейские ценности. Они могут выражаться в политическом признании, предоставлении статуса кандидата к вступлению в ЕС, обещании привилегированных отношений, доступе к рынкам, подписании выгодных соглашений, оказании помощи и т. д. Позитивную кондициональность наглядно иллюстрируют слова бывшего председателя Европейской комиссии Ж. М. Баррозу: "Чем ближе вы хотите быть к ЕС, и чем больше вы привержены делу реформ, тем больше мы предложим вам как с точки зрения помощи для достижения этих целей, так и с точки зрения возможностей расширить и углубить наши отношения" [5].

Негативная кондициональность имеет целью наказать тех, кто не имитирует европейское поведение. Она предполагает санкции, которые могут включать эмбарго, приостановку или ограничение экономических договоренностей и программ помощи, отказ в выдаче виз высшим должностным лицам, приостановку переговоров о вступлении в ЕС, замораживание контактов и т. д. Так, с 1995 г. ЕС включает положение о правах человека практически во все свои со-

глашения. Нарушение положения позволяет Европейскому Союзу приостановить соглашение или применить санкции.

Позитивная кондициональность, безусловно, является более нормативным инструментом, так как не наносит ущерба населению третьих стран. Позитивные формы воздействия предпочтительны и для ЕС. Они позволяют удерживать и развивать политические контакты с другими государствами, что, в свою очередь, предоставляет Евросоюзу дополнительные возможности для оказания влияния на внутреннюю политическую динамику этих стран.

Л. Феррейра-Перейра подчеркивает, что подкрепление со стороны ЕС играет ключевую роль в процессе стимулирования имитации. Наказание государств, которые демонстрируют "имитационный дефицит" ("imitative deficit"), то есть не хотят имитировать европейское поведение или имитируют "неправильные" модели, с ее точки зрения, также не должно исключаться из арсенала ЕС [10, p. 296].

Концепция образцовой державы имеет много общего с другими теоретическими подходами в сфере европейской внешней политики, прежде всего с концепцией "нормативной силы". В научной литературе, посвященной нормативной силе Европы, внешнеполитические методы, предполагающие имитацию модели ЕС, могут именоваться механизмом "инфицирования" или "силой примера".

Внешинополитические механизмы "сила примера" и "инфицирование"

Внешинополитический метод "сила примера" ("the power of example") рассматривался в работах многих европейских экспертов [11; 13; 20]. Так, известная и часто цитируемая фраза Иана Маннерса указывает на то, что самый важный фактор, формирующий внешнюю политику ЕС и его международный имидж "состоит не в том, что он делает или говорит, а в том, чем он является" [13, p. 252]. Иными словами, определяющей при формировании внешнеполитического курса Евросоюза является его внутренняя сущность. Из этого утверждения следует: ЕС не нужно что-либо делать или говорить, достаточно лишь быть моделью для других, примером, которому хотелось бы подражать. О том, что влияние Европы в мире в большей степени зависит от внутриевропейской ситуации, нежели чем от внешнеполитических стратегий ЕС, писал и Ханс Мауль [14, p. 790].

И. Маннерс использует медицинскую метафору и предпочитает называть этот механизм – "инфицированием" ("contagion" [13, p. 244]), также имея в виду непреднамеренную передачу идей ЕС другим акторам, ведущую к копированию европейской модели. Распространение европейских стандартов в данном случае не является результатом конкретных действий ЕС [13]. Инфицирование происходит в силу внутренней убежденности реципиента в желательности усвоения новых норм. Промоутер норм играет в этом процессе лишь пассивную роль успешной модели, которая вдохновляет последователей.

В качестве примеров, иллюстрирующих результаты работы данного механизма, обычно приводятся региональные интеграционные модели – Меркосур, Африканский Союз, АСЕАН [13]. В данном случае

ЕС служит вдохновением и выступает в роли стандарта для стран Африки, Азии и Южной Америки [19, p. 3]. Западноафриканский экономический и валютный Союз (UEMOA) и Меркосур отчасти восприняли европейский путь интеграции и в определенной степени воспроизвели нормы, институты и политику ЕС, демонстрируя примеры имитации и моделирования. При этом инициатива по развитию региональной интеграции исходила от самих развивающихся стран [4, p. 8]. (Прим. автора: Это не означает, что европейская модель может быть применима во всех случаях. ЕС признает существование различных интеграционных подходов) [9].

Научное сообщество о моделировании

Концепция образцовой державы привлекает внимание многих ведущих европейских экспертов, взгляды которых могут серьезно различаться. По мнению британского политолога Марка Леонарда, Европейский Союз является моделью и на региональном, и на глобальном уровне: он стал образцом интеграции для многих регионов мира, а также примером того, каким должен стать весь мир [12]. ЕС, считает автор, с успехом воспроизводит себя вовне. Он будет и в дальнейшем продолжать втягивать другие страны в свою орбиту, в зону действия своих законов и порядков, создавая "эффект домино", и, в конечном итоге, изменит мир в соответствии со своими собственными взглядами. Как следствие, мы станем свидетелями зарождения "нового европейского века": не в том смысле, что Европа будет управлять миром в качестве империи, а потому, что европейский путь развития станет всеобщей, всемирной практикой, подчеркивает Леонард [12].

Теория моделирования близка такому известному эксперту Европейского Союза, как Ян Зеленка, который считает, что Европа должна быть именно моделью – империей-образцом, а не супердержавой. Империя, о которой пишет автор, не стремится к подчинению остальных или грубому навязыванию своей экономической и политической модели, она экспортирует нормы силой примера и убеждения [20, p. 472, 484].

Признавая наличие некоторой непоследовательности и двойных стандартов в европейской политике экспорта норм, норвежский исследователь Эрик Эриксен отмечает, что ЕС все же представляет из себя "наиболее многообещающий пример мощной постнациональной региональной организации", которая "все больше и больше становится ролевой моделью для других регионов" [8, p. 266].

Способность Европы создавать мировые стандарты и быть примером признается и некоторыми американскими исследователями, в частности, Ричардом Роузкрансом [18]. Он развивает идею о Европейском Союзе как об эксклюзивном клубе, наделенном наиболее привлекательными качествами. Даже при некотором недостатке политического влияния, отмечает Роузкранс, ЕС демонстрирует новые формы символического институционального доминирования, воздействуя на окружающий мир магнетической силой своей привлекательности [18, p. 216].

Рассматриваемый подход нередко становится мишенью для критики. Распространенный аргумент критиков состоит в том, что сам образец для подражания "страдает от множества недостатков" [16,

р. 101]. Профессор Оксфордского университета Калипсо Николаидис указывает на то, что Евросоюз должен иметь более реалистичное представление о своих возможностях и недостатках и сам "моделировать себя в соответствии с той утопией, которую он стремится проецировать на остальной мир" [17, р. 788]. С точки зрения Николаидис, представления о Евросоюзе как о модели и образце для подражания выражают неприкрытый европоцентризм и высокомерие, являются слишком упрощенными, одномерными, излишне прямолинейными. "Такой евроморфизм вызывает неприятие, как в самой Европе, так и за ее пределами", – считает автор [16, р. 101].

Ставится под вопрос способность ЕС быть моделью в отдельных сферах политики. Так, правоведы Ф. Алстон и Дж. Вейлер, анализируя деятельность Евросоюза по защите прав человека, указывают на то, что ЕС не может выступать в качестве примера для подражания в этой области в связи с ее слабой институционализацией и непоследовательностью европейского курса [1, р. 663].

К. Николаидис все же считает, что опыт Евросоюза полезен для остальных регионов и глобального управления в целом. "Европа стала местом, где происходит кристаллизация и решение многих мировых проблем", – подчеркивает автор [16, р. 100]. У европейцев накоплен институциональный капитал и глубокие знания о том, какие перемены нужны миру для достижения общего блага. Профессор уверена, что наличие у ЕС длительного опыта по учету коллективных предпочтений различных стран позволяет ему экспортировать свой опыт не только горизонтально (в другие страны и регионы), но и вертикально – на мировом уровне при решении глобальных проблем и в рамках международных институтов, которые могут черпать вдохновение у Евросоюза и использовать европейские традиции сотрудничества [16, р. 100 – 101]. Все это, с точки зрения Николаидис, скорее позволяет характеризовать ЕС в качестве "испытательной площадки" или "лаборатории", где исследуются возможности надгосударственной политики и создаются новые разновидности межгосударственных отношений [16, р. 104].

В целом критические аргументы, представленные в литературе, состоят в осуждении евроцентризма, идеализации ЕС, недостаточной саморефлексивности и самокритичности Брюсселя, акцентируются упущения в политике Евросоюза, которые не позволяют рассматривать его в качестве модели, критикуются отдельные аналитические пробелы данного подхода.

Европейские политики о концепции образцовой державы

Одновременно с теоретическими дискуссиями в кругу европейских исследователей концепция образцовой державы обсуждается и на официальном уровне высокопоставленными политиками и чиновниками Евросоюза. Анализируя их выступления, можно сделать вывод о том, что данная концепция близка многим из них.

Жак Делор характеризовал ЕС как достойный пример для подражания и модель для стран Восточной Европы. Будучи Председателем Еврокомиссии, в октябре 1989 г. Ж. Делор заявил, что само существо-

вание и пример Сообщества, основанного на правопорядке, демократии и процветающей экономике послужили катализатором для перемен на Востоке [17, р. 774].

Бывший верховный представитель ЕС по внешней политике и безопасности Хавьер Солана неоднократно говорил о существовании особой "европейской модели", демонстрирующей остальному миру удивительный экономический и политический успех и ассоциирующейся в сознании многих с философией гуманности, свободы, солидарности и процветания [19, р. 3]. Такая модель, по мнению Солана, неизбежно обращает на себя пристальные взоры и служит источником вдохновения. К тому же, добавляет он: имитация и адаптация всегда легче, чем изобретение чего-либо нового [19, р. 3]. Заимствование успешного европейского опыта представляется бывшему верховному представителю более оптимальным вариантом развития для недостаточно преуспевших регионов мира.

Своей приверженностью идее образцовой державы стал особенно известен глава МИД Великобритании в правительстве Гордона Брауна Дэвид Милибэнд. Основная идея известной речи Милибэнда, произнесенной в Брюгге в 2007 г., состоит в том, что Европа должна стать не супердержавой, а именно моделью ("model power"), за которой следуют другие [15]. Являясь клубом, привлекательным для многих, считает Милибэнд, ЕС способен создавать мировые стандарты, развивать общие ценности, убеждать другие страны играть по своим правилам. Сила Евросоюза как идеи и модели очевидна для Милибэнда в связи с желанием многих стран вступить в Евросоюз либо стремлением подражать ему.

Дэвид Милибэнд выделяет четыре ключевых принципа, которым ЕС должен следовать, чтобы усилить свою роль в качестве державы-модели.

1. Сохранять открытость миру. Держава-модель XXI в. должна смотреть широко и быть открыта в отношении новых идей, торговли, инвестиций и т. д. Милибэнд выражает свою мысль словами Ж. М. Баррозу: "глобальная Европа должна быть открытой Европой" [15].

2. Использовать силу общих институтов и совместных действий для формирования общих ценностей с целью преодоления религиозных, региональных и культурных разделительных линий, особенно с исламским миром. "ЕС сам по себе представляет триумф общих ценностей", – отмечает Милибэнд, однако теперь Союз должен принять активное участие в формировании таких ценностей в отношении более широкого географического района. Этого можно достигнуть, считает он, только через создание общих институтов, через участие в совместных действиях, а также через продолжение политики расширения.

3. Играть лидирующую роль в предотвращении конфликтов. Надежным способом предотвращения конфликтов Милибэнд вновь считает отстаивание общечеловеческих принципов мира, демократии, прав человека, международного права. Европа как держава-модель должна, по его мнению, руководить процессом выработки общих правил управления международной системой и доказывать на практике свою способность достигать результатов в области предотвращения конфликтов.

4. Заботиться о защите окружающей среды. ЕС должен ограничить выбросы углеродов в атмосферу и стать экологическим союзом. Евросоюз уже заявил о себе как о державе-модели в области борьбы с глобальными изменениями климата, задавая тон в этой сфере, определяя стандарты и подталкивая других к их соблюдению, констатирует британский государственный деятель.

Таким образом, являясь открытой привлекательной моделью, опирающейся на общечеловеческие принципы и силу своих институтов, иницируя общие действия, играя активную роль в предотвращении конфликтов и защите окружающей среды, ЕС, по мнению Д. Милибэнда, может достигнуть впечатляющих успехов.

Заключение

Таковы основные идеи концепции моделирования в исследованиях ЕС. Рассматриваемые внешнеполитические механизмы являются непрямыми формами воздействия Евросоюза и не предполагают активных действий со стороны Брюсселя. Этот факт, безусловно, не означает, что ЕС отрицает энергичные методы влияния на окружающую среду. Региональные инициативы поддерживаются Брюсселем через инструменты экономической и технической помощи, политического диалога, межрегиональных соглашений, обмена опытом и т. д. Европейская стратегия распространения норм представляет из себя сочетание множества методов, дополняющих друг друга. Она не исключает и применение негативных форм "внешнего подкрепления" в крайних случаях.

Выбор ЕС в пользу тех или иных механизмов трансформации третьих стран зависит от характера взаимоотношений с ними. Так же и структура, которую ЕС желает трансформировать, обуславливает стратегию распространения норм. Главные условия, наличие которых необходимо для успешного моделирования, прежде всего, следующие:

1) привлекательность европейской модели в глазах третьих стран;

2) их желание меняться и воспроизводить модель ЕС;

3) заинтересованность третьих стран в развитии привилегированных отношений с ЕС.

Таким образом, рассмотренные механизмы не являются универсальными. Они могут быть эффективны для одной страны, но не достигать своих целей в отношении другой. Их результативность различна в тех или иных ситуациях и во многом зависит от восприятия ЕС в третьих странах. Успешное применение имитации возможно только в той среде, в которой модель обладает высокой степенью привлекательности и авторитетности, а наблюдатель открыт по отношению к новым идеям, готов встать на путь реформ и следовать за моделью. При таком сценарии европейские нормы воспринимаются наблюдателем как возможность трансформировать свою идентичность, изменить ее к лучшему. Следовательно, модели нет необходимости прибегать к принуждению.

Наоборот, глубокие различия между ролевой моделью и наблюдателем, недоверие между ними и неприятие ими друг друга осложняют процесс социального обучения. В такой среде инфицирование остается малопродуктивным. Вступает в игру принуждение и наказание. Имитирование при таком сценарии развития событий может также продолжать использоваться.

Несмотря на некоторые аналитические недостатки концепции моделирования и определенные сложности, возникающие при ее реализации, рассматриваемые механизмы нашли широкое распространение в европейской внешнеполитической практике. Данные методы являются наиболее благоприятными для процесса диффузии норм, так как открывают возможности для развития процесса социального обучения между моделью и наблюдателем и позволяют более эффективно менять интересы и предпочтения последнего [6, p. 562]. В результате, сегодняшняя международная политика ЕС "имеет больше отношения к биологии воспроизводства, инфицированию и осмосу, нежели к физике силы, действию и противодействию..." [16, p. 105].

Литература

1. Alston P., Weiler J. H. An Ever Closer Union in Need of a Human Rights Policy // *European Journal of International Law*. 1998. Vol. 9. P. 658 – 723.
2. Bandura A. *Social Learning Theory*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1977. 247 p.
3. Bandura A., Ross D., Ross S. Vicarious Reinforcement and Imitative Learning // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1963. Vol. 67:6. P. 601 – 607.
4. Bilal S. Can the EU Be a Model and a Driving Force for Regional Integration in Developing Countries? Paper presented at the Second Annual Conference of the Euro-Latin Study Network on Integration and Trade, Italy, October 29 – 30, 2004.
5. Borosso J. M. Shared Challenges, Shared Futures: Taking Neighborhood Policy Forward / Speech 07/502 by the President of the European Commission delivered at the European Neighbourhood Policy Conference. Brussels, 3 September 2007.
6. Checkel J. T. Why comply? Social Learning and European Identity Change // *International Organization*. 2001. Vol. 55:3. P. 553 – 588.
7. Duchene F. The European Community and the Uncertainties of Interdependence // *A Nation Writ Large? Foreign Policy Problems before the European Communities*; ed. by M. Kohnstamm and W. Hager. London: Macmillan, 1973. P. 1 – 21.
8. Eriksen E. O. The EU – a Cosmopolitan Polity? // *Journal of European Public Policy*. 2006. Vol. 13:2. P. 252 – 269.
9. European Commission 1995: 5. European Community Support for Regional Economic Integration Efforts Among Developing Countries (COM (95) 219).

10. Ferreira-Pereira L. C. Human Rights, Peace, and Democracy: Is “Model Power Europe” a Contradiction in Terms? // The Foreign Policy of the European Union. Assessing Europe’s Role in the World; ed. by F. Bindi. Washington, DC: Brookings Institution Press, 2010. P. 290 – 302.
11. Forsberg T. Normative Power Europe (Once More): A Conceptual Clarification and Empirical Analysis. Paper Prepared for Presentation at the Annual Convention of the International Studies Association. New York, 15 – 18 February 2009. 24 p.
12. Leonard M. Why Europe Will Run the 21st Century. London: Fourth Estate, 2005. 176 p.
13. Manners I. Normative Power Europe: A Contradiction in Terms? // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40:2. P. 235 – 258.
14. Maull H. W. Europe and the New Balance of Global Order // International Affairs. 2005. Vol. 81:4. P. 775 – 799.
15. Miliband D. Europe 2030: Model Power not Superpower. Speech by MP Foreign Secretary to the College of Europe, Bruges, 15 November 2007.
16. Nicolaidis K. The Power of the Superpowerless // Beyond Paradise and Power: Europe, America, and the Future of a Troubled Partnership; ed. by T. Lindberg. New York: Routledge, 2004. P. 93 – 120.
17. Nicolaidis K. ‘This is my EUtopia...’: Narrative as Power // Journal of Common Market Studies. 2002. Vol. 40: 4. P. 767 – 792.
18. Rosecrance R. The European Union: A New Type of International Actor // Paradoxes of European Foreign Policy; ed. by J. Zielonka. The Hague, London, Boston: Kluwer Law International, 1998. P. 15 – 23.
19. Solana J. Shaping an Effective EU Foreign Policy. Speech by EU High Representative for the Common Foreign and Security Policy, Brussels, Konrad Adenauer Foundation, 24 January 2005.
20. Zielonka J. Europe as a Global Actor: Empire by Example? // International Affairs. 2008. Vol. 84:3. P. 471 – 484.

Информация об авторе:

Игумнова Людмила Олеговна – кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, lyudmila_igum@mail.ru.

Lyudmila O. Igumnova – Candidate of History, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of World History and International Relations, Irkutsk State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.